

ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ ВПЕРЕД

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Нет, с другого, — ответил Корень. — Но это тем более замечательно — не один наш шеф забылся! А начало добре! Нализается более густая связь города с деревней. Газета нам нечем помочь шефам? Разве мы не можем посыпать для них гектаров тридцать картофеля и овощей? Можем! И уступим по себестоимости для общественного питания...»

— Вопрос общемыслья, — снова заговорил Забийкин. — Надо было только раньше за него браться. Тогда ведь и городским предприятиям не пришлось бы так много людей отрывать от производства и посыпать на уборку. Нам не потребуется тогда двести пятьдесят человек, как цыные. Надо только, чтобы областные организации помогли навести некоторые порядок в закреплении шефов, в подготовке и распределении механизаторов на время уборки.

В СОХХОЗЕ «Цветочный» шестая целинная жатва завершилась раньше, чем когда-либо. К 15 сентября все зерновые на площади свыше двадцати пяти тысяч гектаров были убраны и обмолочены. Это на 25 дней раньше, чем в прошлом году. Директор соххоза Месчеслав Николаевич Мусялов в приподнятом настроении:

— Горожане нынче хорошо помогли. Особенно Николай Баранов. Со своим дружком Романом они второй сезон к нам приезжали. Молодцы!

Выходит, и здесь то же, что и в «Доброловском». Я сказал об этом Мусялову.

Согласившись со мной, Месчеслав Николаевич признался, что, поначалу ему показалось немного странным такое положение: рабочий завод, и он же работник совхоза. А вот теперь, когда машин стало много больше, положение прояснилось: именно так и надо!

Мусялов отправился в мастерской, куда уже стягивали с полей комбайны и жатки, познакомил меня с Николаем Барановым — совсем еще молодым вихрастым парнем. Он на заводе токарь, а здесь комбайнер. Результатами уборки доволен:

— Скосил на свал почти триста гектаров, а валики обмолотил с шестью двадцати.

— Меня нынче обставили! — воскликнул стоявший тут же Роман Палий.

В прошлом году они вместе приехали на уборку в этот соххоз, но Палий был много опыта и помогал Баранову. В этом году каждый из них работал уже на скеле комбайнов. Руководство завода разрешило им уехать в соххоз на неделю раньше обычного — за эту неделю они и подготовили свои комбайны в уборке.

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ М. ЛЫНЬКОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения одного из выдающихся представителей советской многонациональной литературы белорусского писателя М. Лынькова. Союз писателей СССР посвятил ему премию имени Ф. Достоевского, которую, впрочем, в последнее время, говорится: «Вы на праву являетесь одним из знатчайших братских белорусской советской литературы. Ваш произведения, написанные еще в двадцатые годы, вошли в золотой фонд белорусской прозы и образуют яркий раздел в истории советской действительности послереволюционного периода. В широких кругах читателей пользуются популярностью ваши произведения о советском рабочем классе. Ваш глубокое проницание в духовный мир своих герояев, исключительно ярким и выразительным отношением к родному языку высоко ценятся литературной общественностью».

Всебобщее признание получила Ваша четырехтомная эпопея «Незабываемые дни» — о германской партизанской борьбе белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Много труда и энергии Вы отдалие во спасение молодой литературной смены, работе в Институте литературы и искусства Академии наук БССР, в правлении Союза писателей Белорусской ССР и его печатных органах.

От всего сердца желаем Вам, дорогой Михаил Тихонович, крепкого здоровья, бодрости, новых ярких творческих успехов на благо нашей советской многонациональной литературы!»

Теперь же оба решили отремонтировать свою машину уже в следующий уборке.

Я поинтересовался: есть ли кто еще из их цеха?

— Есть! Вон он у своей машины колется, — показал Баранов на молодого долгорызого паренька. — Вася Ткаченко, он змий на курсах без отрыва учился.

— Тольк из парня будет, — заверил Палий. — А вообще-то из нашего цеха на уборку уехал человек двадцать.

— Нам бы всех и послать! — заметил Мусялов.

— Конечно, надо в одно хозяйство ездить, — согласился Палий. — Мы теперь прочно с ними, — показал он замасленной рукой на свою машину. — Как бы дополнительными наши станки!

— Многостаночниками стали, — подтвердил Баранов.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства получают специальность комбайнеров, а в районцентре никто не учится! В нашем районцентре нет даже колхоза, а жителей много! Поэтому бы, скажем, не организовать дело таким обра-

зом: товарищи из райцентра имеют в совхозе закрепленные за ними машины, на уборку урожая едут в совхоз. Может, и работу некоторых предприятий района строить с таким расчетом, чтобы основная масса их людей в августе или сентябре работала на уборке урожая. Вот бы и «шабашников» побувалось.

Что тут возразить? Невольно вспомнилась недавняя поэзия в Саргатском районе. Райцентре — в десятках километров от железной дороги. Мне называли такие факты: в самом райцентре трудоспособных проживает лишь немногим меньше, чем во всех колхозах и совхозах района. А промышленность почти никакой. Зато много там «шабашников». Вот и обучать бы там людей на механизаторов для временной работы в совхозах или колхозах. Ведь тогда возросла бы занятость населения района, повысились бы доходы национальности.

Когда мы уходили от мастерской, Мусялов задумчиво проговорил:

— Многостаночники... Именно многостаночники! Это правильно. Иметь часть своих кадров в распоряжении городских шефов — это, видимо, самый правильный путь. А вот рабочий! — воскликнул он.

— Потому на заводе люди без отрыва от производства

Семен УСМАН
(Сенегал)

ПАЛЬЦЫ

Пальцы, способные высекать
из мрамора веяние статуй, —
Пальцы, способные выражать
мысли, волнующие и влекущие, —
Это — пальцы творцов!
Пальцы, корявые и мозолистые,
Которые роют землю,
Раскрывают ее для посева,
Давая жизнь, —
Это пальцы пахарей!
Палец, нажимающий на курок,
Взгляд на прицеле застывший..
Существование этого пальца
Угрожает жизни людей!
Палец, уничтожающий жизнь, —
Это палец войны!
Пусть сольются вместе потоки
Всех народов Европы и Азии,
И Китая, и Африки,
Индии и океанов...
Соединим наши пальцы,
Чтоб отнять силу
У этого пальца!
Несущего смерть!

Перевела Л. Некрасова

Эта жительница Африки уже дышит воздухом свободы. Женщины Гвинеи, которые ранее были самой эксплуатируемой частью народа, обрели теперь равноправие и наравне с мужчинами активно участвуют в строительстве новой жизни.

«Снимок из французского еженедельника «Ви упирье»

Пытаясь задушить движение за независимость, колонизаторы учинили кровавую расправу над мирным населением Стандингвилла (Бельгийский Конго). Свыше 70 убитых и более 200 раненых африканцев — таков итог «операции по умиротворению Стандингвилла».

На снимке — конголезцы отражают атаки полицейских.

Снимок из французского журнала «Пари-матч»

Лев ГИНЗБУРГ

Когда мертвые хватают живых...

В НАШИ дни едва ли кто помнит о том, что «Офис губернского председателя» в Гробинском уезде Курляндской губернии был в начале иска Георгию Генриховичу Мантайфель фон Цёге, барон. Между тем изыскания, проведенные мной в Государственном архиве Латвийской ССР, подтверждают этот факт с той же достоверностью, с которой установлено, что уездным предводителем дворянства в Газенпотте являлся Карл Карлович Мантайфель фон Цёге, а барон Николай Николаевич (они же — таки Мантайфель фон Цёге!) был почетным мировым судьей в Митаве и носил звание камерюнкера высочайшего двора.

Открытия рыцарских родов, потомки закованых в латы завоевателей, немецкие бароны владели в Прибалтике огромными земельными наделами, считались олиютом царского правительства. Их величили на русский манер, по имени отечества. Однако все эти «Николаи Николаевичи» мечтали о решительных превращениях, когда скажут, Латвия превратится в германскую провинцию, а Курляндия входит в состав германской империи.

Сегодня от проживания немецких баронов на латышской земле сохранились лишь дуальные пистолеты в музеях. Из этих пистолетов бароны стреляли в крестьян в тех случаях, когда крестьяне выходили из повиновения. В дни революции 1905 года бароны стояли во главе карателей эвакуаций. Сопровождаемые казаками, они разъезжали по деревням и вершили суд и расправу. Они бесчинствовали в Прикумье, в Каздауге, в окрестностях Тукума и Митавы.

Среди многочисленных Мантайфелей выделялись четыре брата — Ганс, Генрих, Карл и Георг. Братья проявили себя во время событий 1918—1919 годов. Ганс возглавлял ударную группу ландесвера — контрреволюционной «гардии», состоявшей из балтийских баронов и кайзеровских офицеров. Генрих прославился рейдом на Кульдигу: он собственоручно расстрелял председателя и членов местного парламента, вытащил из захвата Риги. Генрих занимался теорией, что он уже не участвовал также в захвате Риги. Братец Карл занимался теорией. Он сочинял брошюры, в которых доказывал, что Прибалтика — исконная немецкая колония, поскольку «частично судьба расположила ее перед самыми дверьми Германии».

В это время в Ригу прибыл младший и наиболее энергичный из братьев — Георг. Ему было двадцать восемь лет, он изучал философию в Галле и Гейдельберге, но отвлеченный науками предпочитал конкретные действия. Жизнь на прибалтике Акселя де Фриза — Мантайфель послал на совещание в Женеву, к министру Брентано. Де Фриз умолил «не допускать сохранения статус-кво»...

Всю эти этические моральные проблемы бароны вспоминали в первых послевоенных летах старого господина в небольшом селце где-то в Нижней Баварии. Коня в своем огороде, он приглашал гостей в окружении. В те дни в Германию прибывали немецкие переселенцы: это был неизбежный результат послевоенного переустройства, основанного на спасительности и отчевшего требованием безопасности народа.

Переселенцев следовало устроить, помочь им прийти в себя, освоиться на новом месте. Так было сделано на востоке Германии. На западе же встретили иначе. На них смотрели, как на явившихся без спроса нахлебников. В этом сказывалось не только отсутствие должной сердечности, но и тонкий расчет: подогреть чувство реваншизма у «изгнанников», как окрестили переселенцев, лишить людей покоя. Тем, кто прибыл из Судетской области, напоминали: «Мюнхенские соглашения никого не отменяют!»

Бывшим жителям польской Силезии же устанавливали твердый: «Граница по Одеру — Нейсе будет пересмотрена!» К «изгнанникам» причисляли даже тех, кто переселился в Германию еще до войны, уроженцев Прибалтики в частности.

Обо всем этом хорошо знала старый господин, приехавший в Нижней Баварии калужскую грязь. Его распарила жажда деятельности. Разве он также не был изгнаником? Не ему ли принадлежали земельные наделы в Курляндии? Не его ли родители — уездные предводители дворянства, попечители тюрем и начальники полицейских управлений — были вписаны в царские «адрес-календари»? Не он ли, ради «исконных» немецких колоний, вступил в 1918 году в ландесвер, шел на поход на Москву, а потом долго и тщательно готовился к повторению «исторической миссии»? Его лишили всего: капитала, недвижимости, даже мечты...

В здании латышского Государственного архива я листала лощеные страницы «адрес-календарей». Я словно путешествую по старинному кладбищу. Пыльные надписи на обштых надгробиях, а за всем этим — пепел, труха, поросшее мышами прошлое...

СЛЫШАЛИ ВЫ сегодня побываете в Бонне, то неподалеку от Бундестага можете встретить хуцавого старика с неподвижным надменным лицом. Старик шествует по Герстенштрассе, у него подбитый деловой вид, и в тот момент, когда он переступает порог за-

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

Крик души Оливье де Манни

ЕСТЬ ПОСЛОДИЦА, советующая не рубить сук, на котором сидишь. Французского критика Оливье де Манни, сотрудника парижского еженедельника «Ле летт нувель», собрались по первому могут упрекнуть в том, что он не прислушивается к народной мудрости. Его последняя статья озаглавлена громко и выразительно: «Довольно романов!». Воскликнувший в заголовке как бы слушает одновременно и схематическим рисунком: топор, обрушивающийся, правда, на довольно тоненькой ветку.

«Что вывело Оливье де Манни из себя? Почему он так негодует против обильно поставленных буржуазными издательствами новых романов, число которых особенно возрастает к концу года, периоду присуждения всевозможных литературных премий?

Размышления над многими новыми прочитанными книгами привели де Манни к печальному выводу: «...из всех литературных жанров роман наилучше приспособлен к тому, чтобы скрывать ничтожество мысли, скрывать то, что авторам нечего, почти нечего или вовсе нечего сказать».

За последние времена критику привыкли почесть немало таких книг «ни о чем», но чаще его терпения переполнили романы молодых писателей Франсуазы Парторье и Женевьевы Дорманн. Особенно грустные мысли вызвали у него ответы: Парторье и Дорманн. Особенно грустные мысли вызвали у него ответы: Парторье и Дорманн на вопрос: почему они решаются писать? Первая — автор романа «Любовник на пять дней» — ответила журналистам из еженедельника «Ар»: «Потому, что я сломала себе ногу». Вторая — ее первая принадлежит роман «Фанфаронка», меланхоличные заметила: «Потому, что мне было скучно».

«Зачем печатать то, что сами авторы считают лишь времпирпреводеждением?» — спрашивается Оливье де Манни, довольно подробно разбирая оба романа, показывает, что они не содержат в себе ничего, кроме тривиальных любовных историй. Героиня романа «Любовник на пять дней», дама из буржуазного круга общества, решает порвать со своим «партером», заметив, что по-следний начинает ее действительности любить, а это угрожает ее спокойствию и общественному положению. В «Фанфаронке» — такая же история, но только вывернутая наизнанку: здесь герой покидает свою любовницу за «недержание проявления страсти».

Это, действительно, романы «величайшего ничтожества», как спрашивает де Манни, их следует рассматривать не как литературу, а как явление «книжного рынка». «Книга, — отмечает мимоходом критик, — служит ведь также и товаром». К сожалению, на этой стороне дела Оливье де Манни не останавливается достаточно подробно и заканчивает свою статью лишь

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ: «Это — хорошее дело!»

Во время пребывания Хемингуэя в Париже — в начале ноября — его посетил корреспондент французского литературно-художественного еженедельника «Ар» и имел с ним беседу. В ответ на вопрос: «Что Вы думаете о предстоящем приезде Хрущева?» — писатель склонил:

«Я не люблю рассказывать о политике, ни о горячей, ни о холодной. Вы, вероятно, это знаете. Но то, о чем вы говорите, представляется мне хорошим делом, разве не так? Разве оно не должно представляться таким всяческим? Впрочем, существуют молодые люди, у которых все это вызывает разочарование... возможно, они рассчитывали, что атомная бомба разрешит проблемы, связанные с их будущим. А теперь они поняли, что нужно трудиться. Так же, как трудимся мы. Ничего не получается. Я ничего не понимаю в этой атомной бомбе. Я знаю только, что она стала главным объектом внимания Соединенных Штатов».

Время, события, люди... ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

ГРЕШНИКАМ СТРАШНО

«ГРЕШНИКУ всегда для дружеских демонстраций и празднований, для приветственных возгласов» в честь советского премьер-министра

Очень страшно сейчас падежной газете «Фигаро», уважаемой ведущим журналистом — Луи-Габриэлем Робином. Если газета, мягко выражаясь, «грешит» упорным пристрастием к «холодной войне», то и г-н Робин — тоже старый грек: французские патриоты не забыли его листовых панегириков в честь Петена...

Греки из «Фигаро» боятся предстоящего визита во Францию главы Советского правительства. Они хорошо помнят, как мудрые и искренние слова Н. С. Хрущева потрясли американское общественное мнение. «Страшно слушать, как этот человек говорит о мире», — испуганно воскликнул тогда корреспондент буржуазной французской газеты «Пари-журнал».

«Господин Хрущев прибудет во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца месяца». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. «Переселенцы отвергнут любой вариант мирного договора, которым предусмотрена линия границы», — добавил Брюгер. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасениями о возможном вторжении в Францию советского премьер-министра. А между тем на письменном послании главы Советского правительства во Францию 15 марта, и мы рассчитываем, что он останется здесь до конца марта». Эти слова принадлежат президенту Французской республики Георгу Дюплею, депутату бундестага Гансу Брюгеру. Публично подтверждая пятнадцатый день марта, г-н Робин из «Фигаро» поглощен опасения